

мания и использовав при этом немало оригинальных, впервые публикуемых архивных материалов. Трудно согласиться также с утверждением рецензентов, что «автор неправильно разграничивает кулацкие и капиталистические хозяйства, так как в период империализма кулацкие хозяйства по существу своему были капиталистическими» (стр. 112). На стр. 127—128 своей работы Л. Н. Терентьева оговаривает, что к «кулацким хозяйствам» она отнесла «все те, в которых соотношение числа наемных рабочих к числу работающих членов семьи превышало взятую нами предельную цифру для группы середняцких хозяйств (в среднем 1 : 3), но все же не было выше 1 : 1», а к «капиталистическим хозяйствам» «все те, в которых число наемных рабочих превышало число работающих членов семьи». Ясно, таким образом, что разграничение «кулацких» и «капиталистических» хозяйств (как и все разграничения такого рода) имеет до известной степени условный характер и отнюдь не ведет к отрицанию капиталистического характера латышского кулачества времен буржуазной диктатуры. Различия между «кулацкими» и «капиталистическими» хозяйствами — это различия между группами сельской буржуазии разной экономической мощности.

В то же время в работе Л. Н. Терентьевой есть отдельные недочеты, не отмеченные предыдущими рецензентами. На наш взгляд, например, в исторических главах слишком много места уделено конкретным событиям, иногда даже деталям, революционного движения в прошлом, деятельности отдельных лиц (см., например, стр. 106—112, 177—186). Данные эти сами по себе несомненно не лишены интереса, но в историко-этнографическом исследовании они совсем не обязательны. То же относится и к слишком многочисленным подробностям из личной жизни отдельных колхозных семей с поименным перечислением их состава. С другой стороны, было бы целесообразно увеличить количество данных по этнической и культурной истории латышского народа, включая в нее и его современное национальное развитие. Можно посоветовать Л. Н. Терентьевой в ее дальнейших исследованиях обратить большее внимание на эти вопросы.

Выход книги Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» представляет собой крупное событие в советской этнографической науке. Углубленное исследование процессов изменений в жизни латышского крестьянства на протяжении ряда десятилетий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Выводы, сформулированные в кратком, но содержательном заключении труда Л. Н. Терентьевой, заслуживают самого пристального внимания со стороны всех, кто интересуется преобразованиями в жизни латышского и вообще советского крестьянства и сам принимает участие в этих преобразованиях.

И. Гурвич, В. Крупянская, Н. Чебоксаров

Песни и сказы Донбасса. Сборник А. В. Ионова. Предисловие и редакция В. М. Сидельникова. Сталино — Донбасс, 1960, 345 стр.

Рецензируемый сборник — наиболее полное издание фольклора горняков Донбасса «с семидесятых годов прошлого столетия и до настоящего времени» (Предисловие, стр. 6). В сборник включены песни и сказы (устные рассказы), частушки и пословицы; сказки отсутствуют. Большинство текстов отличается социальной остротой, выразительностью и эмоциональностью; интерпретированы они составителем неизменно в связи с действительностью. Многие из явлений, отмеченных А. В. Ионовым в фольклоре горняков, характерны для определенных этапов развития русского фольклора в целом и показаны на широком литературно-историческом фоне.

А. В. Ионов, собиратель большей части материалов сборника и автор вводной статьи и примечаний, обогатил издание текстов, многие из которых публиковались и раньше, тщательным их комментированием (отсылка к конкретным событиям на той или другой шахте, пояснение профессиональных терминов, указание фольклорных вариантов в том числе и включенных в произведения художественной литературы Г. И. Успенским, А. С. Серафимовичем, С. Н. Сергеевым-Ценским и др.). Книга читается легко, написана с искренним подъемом, со знанием и Донбасса и фольклора горняков.

Отрадно констатировать серьезное отношение А. В. Ионова к устным рассказам, которые многие фольклористы в последние годы фактически отказываются признавать одним из жанров фольклора¹. А. В. Ионов подчеркивает художественную специфику сказов: «...Как и любому произведению устного народного творчества, сказу должны быть присущи и яркий язык, и стройная композиция, и типизация, то есть обобщение наблюдений над жизнью... Любую тему каждый из рассказчиков интерпретирует по-своему». Однако всем «наиболее искусным» из них свойственны острое построение сюжета, бытовые сценки, диалогическая, своеобразная для каждого речь (стр. 99). Автор утверждает значение этого жанра как исторического и как литературного источ-

¹ См., например, статью Л. И. Емельянова «Проблемы художественности устного рассказа» («Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 247—264).

ника (стр. 103). Трудно согласиться с автором в определении устных рассказов как исконного «жанра только рабочего творчества» (стр. 106), лишь теперь вышедшего за эти социальные рамки. Сколько бытовало, например, рассказов о крепостном праве, а позднее — о «мироедах» и борьбе с ними бедняков! Автором намечена основная тематика шахтерских рассказов о старом времени: тяжесть труда, ужасающие бытовые условия, жадность хозяев, взяточничество и глумление над рабочими «артельщиков», «подрядчиков», штейгеров и проделки горняков над этим «начальством», случаи гибели шахтеров и аварий в рудниках. К сказам (может быть, не совсем оправданно) отнесены автором и былички о встрече в шахте с «хозяином угольных пластов» и др.; правда, рядом помещены и рассказы, рисующие освобождение сознания рабочих от суеверий (см. стр. 140 — «Как гусь зарубщиков из шахты выгнал»). Рассказы о советском времени в большинстве основаны на противопоставлении его прошлому. В особую группу могут быть выделены рассказы об участии шахтеров в гражданской и Великой Отечественной войнах.

Песни, как и устные рассказы, в сборнике подобраны только такие, в которых говорится о шахтерском труде — о тяжести его в старое время и о коренном его изменении после Великой Октябрьской социалистической революции; исключение сделано только для военных песен. Частушки же приведены в чрезмерном изобилии, не всегда удовлетворительного качества и в значительной части никакой шахтерской специфики не содержат (см., например, стр. 173—177, 189—208, 255—269). В этом сплошном потоке тонут действительно своеобразные горняцкие частушки, отражающие взаимоотношения молодежи на рудниках, семейную жизнь шахтеров, их труд. Между тем для таких частушек характерна не только профессиональная терминология (этому автор уделяет внимание на стр. 72), но и художественные образы, обусловленные окружающей действительностью. Образы и прозвища шахтеров, встречающиеся в частушках. Упомянем кстати, что название особого вида частушек — «страдания», как известно, широко распространено, и связывать его с тяжестью жизни шахтеров, как это делает автор (см. стр. 74), нельзя.

Некоторые современные частушки в сборнике слишком «литературны»: вернее всего, они представляют подборки из репертуара коллективов художественной самодеятельности или из газет. Литературная обработка чувствуется и в некоторых устных рассказах, причем это нигде не оговорено. Не все тексты, помещенные в разделе пословиц, можно считать таковыми; например, «Шахтные воды — на огородах!» — лозунг, относящийся к кампании 1950-х годов об использовании на колхозных и совхозных огородах грунтовых вод, выкачиваемых из шахт. К тому же и литературное качество таких текстов иногда неприемлемо, например: «От пьяницы и шахта пьются». Более скупой подбор текстов намного повысил бы научное значение сборника.

Проблему взаимосвязи жанров А. В. Иванов только затрагивает и решает ее в каждом отдельном случае несколько односторонне. Не всегда осколок песни становится пословицей или частушкой, как он утверждает, бывает и наоборот. Так, в приводимом им примере «До свиданья, белый свет, я вернусь или нет» (стр. 110) поговорка, вероятно, существовала изначально, так как она известна в многочисленных вариантах, притом в другом угольном районе (Подмосковье). Тематические, а иногда и текстуальные совпадения в песнях и частушках могут быть вызваны «склеиванием» в песню близких по содержанию и форме серийных частушек типа «Шахтер рубит, шахтер бьет, под землю ход ведет» (ср. песню на стр. 120).

Материал в сборнике расположен по историко-хронологическим этапам, а внутри них — по жанрам (хотя этот принцип не вполне выдержан). Так как этапы эти очень велики, то нередко при переходе к другому жанру получается как бы обратный хронологический скачок. Так, воспоминания старого рабочего о нелегальном собрании даны после песни 1920-х годов «Шахта № 3» (стр. 221 и 219). Спорно и помещение отдельных текстов в том или ином разделе.

В предисловии В. М. Сидельникова правильно указано значение сборника «Песни и сказы Донбасса» для сравнительного изучения горняцкого фольклора и внутри страны, и за рубежом (стр. 9). А. В. Иванов и сам делает попытку такого сопоставления, исходя из того, что «в характере труда и в условиях быта шахтеров Урала и Донбасса было немало общего» (стр. 95). Но все же нельзя ставить знак равенства между рабочими угольных шахт и рудокопами. Главное же, нельзя забывать, что не только время сложения рабочего класса, но и состав его на Урале и в Донбассе был различным: на Урале в XVIII в. работали в рудниках в основном приписные крестьяне, а позднее — другие категории зависимых людей; в Донбассе же труд был с самого начала вольнонаемным.

К сожалению, автор не проводит сопоставления с горняцким фольклором других угольных районов, чего, впрочем, и нельзя ставить ему в вину. Публикация фольклорного материала у нас еще сильно отстает от его сбора, а информация о фольклорных фондах в государственных архивах недостаточно планомерна и подробна. Так, автором рецензии проводилась запись устного творчества шахтеров Подмосковья, притом не только в тридцатых годах, как указано в предисловии (стр. 5), но и в сороковых². Сличение этих рукописных материалов с текстами сборника А. В. Иванова показало бы и близость тематики отдельных жанров, например устных рассказов и песен.

² Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Группа фольклора, ед. хр. 6 и 7.

и существенные различия, обусловленные особенностями общественно-экономического развития обоих районов. Большая часть коренных горняков Донбасса уже до Октябрьской революции порвала с сельским хозяйством, с деревней и стала жить в рабочих поселках. Горняки же Подмосковья (старейшие рудники — Побединские были заложены там также в 1860-х годах, в бывш. Скопинском уезде Рязанской губернии) продолжали жить в своих селах, работали и на поле. Поэтому и в их фольклоре была еще очень сильна крестьянская струя (особенно в сказках). Однако многие из шахтерских донецких песен звучали и в Подмосковье. Это объясняется в значительной степени тем, что скопинские горняки издавна уходили на сезонную работу в донецкие шахты, где заработки были выше А. В. Ионов, между тем, даже не упоминает Рязанской губернии при перечислении мест, откуда шли в Донбасс сезонные рабочие (см. стр. 31). В Скопинском районе были записаны варианты песен «До свиданья, белый свет» (см. стр. 120 сборника), «Песня коногона» (стр. 121 и 122), «Что-то сердцу больно стало» (стр. 128) и др. Донецкая песня «Как на Юзовском раздолье...» (стр. 124) известна у скопинских горняков в довольно далеком варианте и имеет своеобразное начало:

Есть Побединская сторона,
Вся ископана она³.

В донецкой песне аналогичное начало, очевидно, забыто. При этом заимствование фольклорных произведений происходило с определенным отбором. Так, популярные в старое время в Донецком бассейне песни о саночниках не привились в Подмосковье, где уголь гоняли только вагонетками.

А. В. Ионов указывает, что песни горнорабочих пелись каторжанами и ссыльно-поселенцами в Сибири, также работавшими на рудниках. Однако он не говорит о заимствованиях, в свою очередь, шахтерами песен тюрьмы и каторги. Между тем эти песни бытовали в среде шахтеров, так как были отчасти созвучны условиям их жизни: ведь недаром шахтеры называли свой труд «вольной каторгой» (стр. 157; см. также стр. 120).

Автор говорит также о месте, занимаемом в шахтерском фольклоре — и дореволюционном и советском — переделками популярных песен, созданных другими социальными группами, но чем-либо близких горнякам или полюбившихся им за мелодию. Особенно много аналогий с «морскими» песнями, но автор не проследживает путей, какими фольклор рыбаков и моряков мог проникнуть в Донбасс (приморская родина шахтеров-переселенцев, служба на флоте, песенники и пр.), не задумывается и над поисками общего первоисточника, возможного в отдельных случаях. Конечно, шахтеров роднила с моряками тяжесть и опасность их профессии, и это способствовало сближению песенного репертуара.

Вводная статья в части показа жизни Донбасса и шахтерского фольклора имеет несомненное познавательное значение. Гораздо слабее высказывания автора по общим вопросам фольклористики, причем немалую роль в этом играет крайняя сбивчивость формулировок. Так, на первой же странице вводной статьи он утверждает, что «буржуазные фольклористы» (в конце страницы они уже «по преимуществу выходцы из дворянского класса») не только не интересовались рабочим фольклором, но и в деревне «записывали далеко не всё» (стр. 13). Если рабочего фольклора до Октябрьской революции было, действительно, записано мало, то никак нельзя согласиться с автором, что произведений, «в которых хоть в какой-то мере сказывалась ненависть мужика к барину-деспоту, слышались жалобы на тяготы солдатской службы, насмешка над корыстолюбием попов, религией и волостными начальниками, воспевались вольнолюбие и отвага вождей крестьянских восстаний Разина и Пугачева, буржуазные фольклористы как бы не замечали» (стр. 13—14). Так о ком же идет здесь речь? О славянофилах, среди которых было, действительно, много дворян? О собирателях-разночинцах — Шейне, Рыбникове, Барсове? И благодаря кому же стали знакомы автору с такой легкостью перечисленные им сюжеты, как не благодаря в основном собирателям еще дореволюционного времени, самоотверженно не только записывавшим, но и публиковавшим такие произведения?

Дальше он упрекает тех же собирателей, записывавших в конце прошлого века в южнорусских степях не рабочий фольклор, а казачьи быliny и пр., «много раз записанные и прежде, в других местах» (стр. 41). Никто не спорит, что следовало тогда записывать рабочий фольклор, и отсутствие таких записей — невозместимая потеря, но разве установление новых очагов бытования былин, новых их вариантов — также не дело науки? И, кроме того, нельзя забывать, что изучение былин связано с другими важными проблемами: освоением русскими окраин, лингвистическими изысканиями.

Непримемлемо для историков и этнографов беглая справка А. В. Ионова о прошлом Донбасса, выросшего «на землях, бывших когда-то девственной половецкой степью, ареной борьбы русского и украинского народов с разбойными кочевыми племенами» (стр. 28). В эпоху борьбы с половцами существовала еще единая древнерусская народность. Если же в конце фразы речь идет не о половцах, то кого еще автор окрестил

³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Группа фольклора, ед. хр. 6, л. 379.

«разбойными племенами», и не подозревая, видимо, что это определение восходит к старой, реакционной теории об исконной якобы разбойничьих народах, к которым в первую очередь относили именно кочевников.

В статье есть и неоправданные отклонения от темы (например, об отношении Г. И. Успенского к новгородским частушкам на стр. 68—72 или запоздалая полемика с Н. Н. Леонтьевым по поводу его статьи, опубликованной еще в 1953 г. в журнале «Новый мир» — на стр. 23—28). Все эти срывы особенно досадны, так как А. В. Ионов в целом проделал большой и полезный труд по подготовке к печати своего сборника.

При издании этого сборника следовало бы несколько взыскательнее отнестись и к литературному изложению (например, заменить другим выражение «чужеземные хапатели» о шахтовладельцах на стр. 47 или глагол «вопить», употребляемый во всевозможных оттенках смысла) на стр. 47 или глагол «вопить», употребляемый во всевозможных оттенках смысла), устранить некоторую неряшливость в подаче материала. Так, вводная статья названа «Песенное творчество донецких шахтеров», хотя речь в ней идет и о сказах, и о пословицах. Название всего сборника «Песни и сказы Донбасса» шире содержания, так как книга посвящена только шахтерскому фольклору, кроме единичной записи устного рассказа, сделанной на металлургическом заводе (стр. 283), и частушек на сельскохозяйственную тематику. Трижды напечатан текст частушки «Не шахтером я родился...» (в статье — стр. 83 и 89 и в материалах — стр. 246). Частично дублируют друг друга примечания и подстрочные сноски. Словарные пояснения даны не всегда при первом упоминании, а некоторые термины остались не раскрытыми. Предпочтительнее было бы составить общий словарь, так как не все будут читать сборник полностью и подряд.

В примечаниях встречаются досадные пробелы. Так, очевидно из ложно понятой скромности, А. В. Ионов почти нигде не указал, какие именно тексты записаны им самим, и в результате они остались без точной паспортизации (см., например, стр. 44 и 327).

Следует вкратце приветствовать помещение в сборнике нотных записей мелодий песен (на стр. 321 и 323) и «страданий» (стр. 332), но хотелось бы, чтобы их было не три, а значительно больше.

Иллюстраций, кроме жанровых рисованных заставок на шмуцтитулах нет, что несколько понижает познавательную ценность книги.

Отмеченные недочеты в большей или меньшей степени характерны для многих изданий научно-популярного типа, в особенности для выходящих не в центральных издательствах. Поэтому этим недочетам и уделено здесь такое внимание, может быть даже несколько несоразмерное с несомненными достоинствами сборника. Надо надеяться, что А. В. Ионов продолжит свою нужную и важную работу по собиранию и изданию профессионального рабочего фольклора Донбасса и при последующих публикациях устранит эти недочеты.

На очереди стоит усиленный сбор шахтерского устного творчества по всему СССР как в старых районах добычи угля Донбассе и Подмосковье, так и в новых — Караганде, Мемерове и других. Тогда станет возможным издание сводного труда, включающего и наиболее полный подбор текстов, и исследования, основанные на широких сравнениях и вскрывающие общие закономерности в развитии фольклора рабочих, занятых в этой отрасли труда, и его локальные особенности.

Р. Липец

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

«ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК, II»

Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. LXXIII, М., 1961, 352 стр.

Рецензируемый сборник посвящен различным проблемам культуры и этнической истории народов Китая, Кореи, Японии, Вьетнама, Индонезии. В сборнике опубликованы статьи Линь Яо-хуа, Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы Китая», Г. Г. Стратановича «Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование»; Ю. И. Журавлева «Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны»; С. А. Арутюнова «Этническая история Японии на рубеже нашей эры»; Р. Джарылгасиновой «Когурёсцы (Историко-этнографическое исследование)»; А. И. Мухлинова «Вьетнамская сельская община (X—первая половина XIX в.)»; Ю. В. Маретина «Община минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.)».

Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксаров ставят перед собой задачу выделить хозяйственно-культурные типы Китая на основе анализа материальной и духовной культуры населяющих его народов. Это исследование основывается в значительной степени на оригинальных полевых материалах, собранных авторами в КНР в 1956—1958 гг., и представляет собой дальнейшую разработку и конкретизацию теоретических положений проблемы хозяйственно-культурных типов. Авторы выделяют три группы хозяйственно-культурных типов и дают их характеристику на конкретном восточноазиатском материале. Уделяя внимание ландшафтно-климатическим условиям, авторы подчеркивают, что зависимость от них хозяйственно-культурных типов бывает всегда «опосредство-